

© 2014 г.

ТРИ НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю.Н. РЕРИХА (1902–1960)

Ю.Н. РЕРИХ. Тибет и Центральная Азия. Т. II. Статьи. Дневники. Отчеты. Составление, предисловие, примечания В.А. Росова. М.: Рассанта, 2012. 280 с., ил.

Юрий Рерих: живое наследие. Материалы к биографии. Вып. I. Сборник статей и интервью. Редактор-составитель В.А. Росов. М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2012. 224 с., ил.

Индия–Тибет: текст и феномены культуры. Рериховские чтения 2006–2010 в Институте востоковедения РАН. Составитель и ответственный редактор В.В. Вертоградова. М.: Языки славянской культуры, 2012. 328 с., ил.

В конце 2012 г. научное сообщество широко отмечало юбилей Юрия Николаевича Рериха (1902–1960) – выдающегося ученого и подвижника в изучении культур и народов Центральной Азии. Два московских юбилейных мероприятия (о них см. в настоящем номере, с. 197–200) стали событийными не только в связи с самим юбилеем, но также с приуроченными к нему юбилейными (пятидесятыми) Рериховскими чтениями в Институте востоковедения РАН, а также выходом в свет трех изданий, давно ожидаемых научной общественностью. Речь идет о собрании трудов самого юбиляра, воспоминаний его учеников-сподвижников, а также о сборнике статей их учеников, т.е. работ второго поколения отечественных буддологов, тибетологов, индологов, искусствоведов, филологов, этнографов Центральной и Южной Азии. Второго – если точкой отсчета брать деятельность самого Ю.Н. Рериха, ибо традиции признанной мировой школы отечественного востоковедения XIX – начала XX в. были насильственно прерваны.

Два издания были подготовлены в Государственном музее искусства народов Востока, в отделе Наследие Рерихов, возглавляемом В.А. Росовым. Их презентация состоялась 10 октября 2012 г. на совместном юбилейном заседании Ученых советов Музея и Института востоковедения РАН, посвященном памяти Юрия Николаевича Рериха.

Первое из них – «Тибет и Центральная Азия. Том II»¹ продолжает ранее начатое издание собрания сочинений Ю.Н. Рериха². Данный том включает ряд опубликованных прежде произведений, а также неопубликованные статьи, дневники и иные материалы, которые значительно повысили значимость его научного наследия.

В первый раздел (с. 11–76) тома вошли научные статьи Юрия Николаевича, опубликованные в малодоступных ныне изданиях 1930-х годов, а также не издававшиеся работы (например, «Тибетская драма» и «Храм Будды врачевания») и издававшиеся только на иностранных языках. Несомненно, они представляют огромный интерес для всех специалистов. Второй раздел (с. 79–192) включает дневники Ю.Н. Рериха, не издававшиеся или опубликованные лишь частично. К числу последних принадлежит дневник экспедиции в Центральную Азию (1925–1928 гг.), который лег в основу его книги, вышедшей сначала на английском языке³ и спустя десятилетия переизданной на русском языке под названием «По тропам Срединной Азии»⁴. Теперь этот дневник впервые доступен на языке

¹ Рерих 2012.

² Напомним, что первый том вышел 14 лет тому назад – см. Рерих 1999.

³ Roerich 1931.

⁴ Рерих 1982.

оригинала полностью. Второй экспедиционный дневник, также не опубликованный (и даже прежде не известный), относится к 1934–1935 гг. Он представляет собой записи Юрия Николаевича, которые он вел во время путешествия по Северной Маньчжурии и Внутренней Монголии. Этот дневник можно считать настоящим научным открытием.

Третий раздел содержит редкие информативные материалы – рабочие отчеты (квартальные, полу-годовые, годовые). Юрию Николаевичу приходилось составлять их в бытность директором Института гималайских исследований «Урусвати», основанного его отцом в долине Кулу (Пенджаб, Индия) (с. 195–239), и заведующим сектором философии и истории религий Индии в Институте востоковедения РАН (с. 240–252). При подготовке этих материалов к публикации была обнаружена масса новых ссылок на труды ученого, которые не были учтены в ранее составленных библиографических указателях. Многие из них, несомненно, будут чрезвычайно полезны при подготовке последующих томов собрания сочинений. Одним из интереснейших является отчет о поездке Юрия Николаевича в Монголию, совершенной им летом 1958 г. (с. 255–263). Это исключительно показательный документ, точнее два документа – основной отчет и дополнительный, написанный двумя неделями позже первого, притом в совершенно ином стиле и с иными акцентами. Сравнение двух текстов, несущих печать эпохи, позволяет ощутить политическую атмосферу, в которой жил в Советском Союзе ученый после возвращения из продолжительной эмиграции. Публикуемый отчет не просто исторический документ, но потрясающее свидетельство нашего недавнего прошлого.

Завершается II том разделом «Публицистика» (с. 265–275), который содержит статьи и выступления приехавшего в СССР Юрия Николаевича, рассказывающие о жизни и творчестве его отца, Николая Константиновича Рериха, об организованных им экспедициях в Центральную Азию и его усилиях по сохранению памятников культуры во время войн и вооруженных конфликтов. Деятельность русского художника по охране культурных ценностей, как известно, получила мировое признание и нашла отражение в международном документе, известном как «Пакт Рериха» (Вашингтон, 1935). Публицистический аспект деятельности Юрия Николаевича нашел в этих статьях яркое выражение.

Второе издание, выпущенное в свет к юбилею, – «Юрий Рерих: живое наследие. Материалы к биографии. Вып. I»⁵. Это уникальный сборник, в котором приняла участие ведущие отечественные востоковеды – сотрудники Института востоковедения РАН, Государственного музея искусства народов Востока, Института антропологии и этнографии РАН (СПб.), а также зарубежные коллеги. Сборник состоит из статей, представляющих собой новейшие исследования жизни и деятельности Ю.Н. Рериха (в том числе на основе архивных источников), и ряда интервью (ранее не публиковавшихся), которые в разное время были взяты у ближайших учеников Юрия Николаевича, а также у людей, связанных с ним дружескими узами.

Хотелось бы особо отметить статьи *К.Н. Яцковской* «Живое наследие. К юбилею востоковеда Ю.Н. Рериха», *В.А. Росова* «Возвращение Юрия Рериха в “Новую Страну” (на материалах Архива внешней политики РФ)», *Я.В. Василькова* «Ю.Н. Рерих и возрождение классического востоковедения в СССР», *А.М. Шустовой* «Юрий Рерих как исследователь тибетской живописи» и др.

В числе интервью – беседа с *Т.Я. Елизаренковой*, незадолго до ее смерти заснятая на видео А.Н. Сенкевичем (с. 163–180). Это одно из самых больших интервью, которые Татьяна Яковлевна когда-либо давала. Другое интервью – монгольского ученого *Шагдарына Биры* (с. 181–196). Фрагментарно оно уже публиковалось в журнале «Вестник Ариаварты»⁶, но сейчас восстановлено полностью в том виде, в котором было записано более десяти лет тому назад. Еще один из учеников Юрия Николаевича, *А.М. Пятигорский*, незадолго до своей смерти дал интервью А.Н. Сенкевичу (с. 211–219). «Буддийское» мышление Пятигорского, вся его необычность как исследователя буддизма, его особое восприятие личности Юрия Николаевича отразились в этой блестящей беседе, производя сильное впечатление. Еще одно интервью было взято у *М.Ф. Дроздовой-Черноволенко*, жены самобытного художника В.Т. Черноволенко, который был дружен с Юрием Николаевичем (с. 197–210). Записанное еще в 1985 г., оно, наконец, увидело свет.

Третья книга – «Индия – Тибет: текст и феномены культуры...»⁷ – была подготовлена в Институте востоковедения РАН. Ее презентация прошла на первом заседании юбилейной (пятидесятой) Международной конференции Рериховские чтения в Институте востоковедения РАН (26–28 ноября 2012 г.). Новый юбилейный сборник представила *В.В. Вертоградова* (ИВ РАН, председатель научного совета Мемориального кабинета Ю.Н. Рериха в ИВ РАН, в последнее десятилетие – основной организатор Чтений). Следует отметить, что это уже второй сборник подобного содержания в XXI в.⁸ Все 20 его авторов являются постоянными участниками Чтений.

⁵ Юрий Рерих 2012.

⁶ Бира 2002, 21–29.

⁷ Индия – Тибет 2012.

⁸ Индия – Тибет 2004.

В.В. Вертоградова является автором введения к новому сборнику (с. 10–12), в котором представлен анализ своего рода «волн приоритетов» (т.е. внимания к особым областям исследования), которыми отличались Рериховские чтения в течение своей пятидесятилетней истории. Так, в конце 60-х годов религиозно-философскую проблематику сектора Ю.Н. Рериха (организовывавшего Чтения в первые десятилетия их долгой истории) дополнили доклады, связанные с «полномасштабным изучением Центральной Азии». Это были сообщения о результатах археологических раскопок по «Кушанскому проекту», разработанному самим Ю.Н. Рерихом в последний год жизни. «Началось археологическое изучение крупнейших буддийских памятников Средней Азии: Кара-тепе (с 1961 г., раскопки Б.Я. Ставиского) и Фаяз-тепе (с 1968 г., раскопки Л.И. Альбаума). Эти исследования открыли новую страницу в изучении истории буддизма первых веков н.э. ... обнаружено около трехсот буддийских надписей на разных древних языках... а также особая линия буддийского искусства» (с. 9).

В конце «60–70-х годов на первый план выступают исторические и культурологические проблемы изучения вновь открываемых буддийских памятников, дешифровка и лингвистические проблемы буддийской эпиграфики». Разумеется, продолжалось и ставшее традиционным направление Чтений – изучение «поэтики, ритуала и мифа». Наконец, новая «тибетологическая волна на Чтениях 80-х годов отчасти связана с выходом в 1983 г. 11-томного Тибетско-русско-английского словаря Ю.Н. Рериха с санскритскими параллелями... При этом ряд новых ракурсов получают исследования буддизма» (с. 10).

Основную особенность и новизну Чтений 2000-х годов, как считает В.В. Вертоградова, составляет их теоретико-культурная направленность: обращение не столько к тексту как источнику, сколько к проблемам самого текста (с. 12). В этом ключе могут быть рассмотрены в дальнейшем и конкретные исследования самого Ю.Н. Рериха.

Авторы всех 20 статей сборника (как уже известные, так и начинающие) – специалисты в своих конкретных областях: каждая из работ предстает содержательным, совершенно законченным и самодостаточным произведением. Пишущий эти строки выделяет для последующего обсуждения из их числа лишь несколько, руководствуясь исключительно личными предпочтениями в «рериховском» круге тематик.

Следует отметить, что сборник свидетельствует об известном расширении поля исследований. Так, во времена юбиляра и позднее не занимались индо-тибетским ваджраянским влиянием на культурные и социальные аспекты Страны восходящего солнца, а также тем преломлением, которое непременно испытывали индийские идеи, учения, образы в контексте иных этносов и цивилизаций. В нынешнем сборнике этим проблемам посвящена статья *Е.С. Лепеховой* (ИБ РАН) «Образ *дакини* в средневековой Японии», в которой прослеживается заимствование этого образа из индо-тибетского тантрического буддизма и его ассимиляция одним из автохтонных синтоистских божеств, в результате которой иконография обрела новые черты (с. 147–155).

Сборник включает две статьи *Е.Д. Огневой* (Институт востоковедения НАН Украины, Киев), постоянного участника Чтений в течение последних более чем 30 лет. Первая – «Достопамятная медноцветная гора, рай Падмасамбхавы» (Танка из собрания Кабинета Ю.Н. Рериха в Институте востоковедения РАН, Москва). Автор дал краткую, но очень емкую характеристику всей иконографической традиции Падмасамбхавы (одного из первых проповедников тантры в Тибете, последняя четверть VIII в.) в музеях мира (от Японии и Кореи до Европы и США). Эти танки с различными сюжетами датируются от XIII до XX в., **причем особое место среди них занимают входящие в Рериховское собрание** (в том числе опубликованные Ю.Н. Рерихом в 1925 г.⁹). Автору удалось также установить место происхождения танки – сиккимский монастырь Далинг (с. 194). Будучи крупнейшим специалистом по тибетскому искусству, Е.Д. Огнева прослеживает традиционную композицию танок Падмасамбхавы и анализирует структуру данной танки, рассматривая отдельные образы и их религиозное значение для тибетской традиции и культовой роли (с. 194–197). «Танка уникальна, поскольку подобное изображение “Медноцветной горы счастья” пока не удалось обнаружить среди известных на сегодня двадцати пяти танок, которые были созданы в Тибете, представляя традиции школ *ньюнга*, *сакия* и других, а также подшколы *кагью*» (с. 198).

Вторая статья Е.Д. Огневой «“Ваджрачхедика” в структуре Одесского рукописного сборника буддийских медитативных текстов (Перспективы исследования)» посвящена рукописному сборнику на тибетском языке из шести сочинений, обнаруженному в Одесском муниципальном музее частных коллекций А.В. Блещунова. Анализ сборника произведен автором в широком контексте буддийской литературы Тибета с многочисленными ссылками на имена и тексты, почти не известные востоковедам России. Таким образом, сообщение о находке нового буддийского памятника превращается в глубокую работу о тибетской текстовой культуре.

⁹ Roerich1925.

Все сочинения (в разной последовательности) могли входить в состав *рабсалов* – служебников, используемых в обрядовой практике монастырей. Упоминание имени Таранатхи (1575–1634), последнего знаменитого представителя школы *джонанг*, позволяет Огневой «определить нижний предел создания сборника – не ранее первого десятилетия XVII в.» (с. 201–202). Автор убедительно показала, что каждое из шести сочинений имеет отношение к практике религиозного совершенствования, описывая ступени (*парамиты* – букв. «переправы») на духовном Пути верующих.

Первым из них предстает «Алмазная сутра»¹⁰, сочинение, «которое входит в различные книжные светские собрания, в храмовые библиотеки Восточной Азии, от Лхасы до Улан-Батора и Элисты, от Кобдо и до Японии. Оно существует в виде вложений в ступы, субурганы, статуи, молитвенные колеса, в виде отдельных книжных блоков, размещенных в домашних алтарях или в заповедных местах» (с. 200).

«Переписывание сакрального текста, равно как и предоставление средств... способствует накоплению благих заслуг и созданию предпосылок для взращивания корня добродетели... И первым шагом на этом пути является даяние, которое предполагает щедрость (жертва имуществом и своим телом, милостыня нищим)... не ожидая вознаграждения» (с. 202–203). Итак, первым из шести совершенствований есть даяние, которое предписывается Словом Благодатного Будды, называемого «Алмазная сутра».

«Вторая ступень совершенствования – нравственность предполагает действия на благо живых существ, на завершение еще не совершенных благих поступков, освобождение от несправедливых поступков не только себя, но и других, что содействует зарождению мысли о пробуждении (*бодхичитте*)» (с. 203). Текстом сборника, соотносимым с этой ступенью является «Хридая сутра»¹¹, относимая к категории *мантр*, ибо «в составе текста *мантра*, которая “утишает” все страдания... С этой мантрой связана школа тибетского буддизма “дуге шидже”... или “утишение страдания”... Помимо этого, “Хридая сутре” приписывались магические свойства» (с. 203).

«Третья ступень на пути совершенствования – парамита терпения (*кшанти*). Эта парамита предполагает способность сохранять невозмутимость при любых невзгодах и бедах, причиняемых другими; способность невозмутимо переносить личные страдания, в том числе болезни, боль, жажду, голод; способность невозмутимо воспринимать сокровенные религиозные истины» – все это предполагается третьим текстом сборника – «Ваджра-видарана-дхарани». «Магическое воздействие звуком или словом, согласно этому тексту, защищает всех живых существ, умиротворяет болезни, способствует процветанию жизни, нейтрализует действие враждебных живых существ... нейтрализует и преобразовывает гнев» (с. 204). «Раз в месяц все монахи монастыря собираются и исповедуются в своих прегрешениях. Четвертая ступень на пути совершенствования – это парамита усердия. Она предполагает рвение в проявлении благодеяний, рвение в доведении до конца начатого благодеяния, рвение усердственности к желаемому результату» (с. 205). Этому этапу соответствует четвертый текст сборника – «Сутра об исповеди бодхисаттвы [перед 35 буддами]», или «Бодхисаттва-дешана».

Пятый текст сборника – сутра, известная как «Знание в момент смерти», или «Атья-джняна-сутра». «Сочинение посвящено опознаванию признаков смерти и считается сопутствующим... “Тибетской книги мертвых”. Его включают в число текстов, обязательных для чтения над покойником, поскольку таким образом можно обеспечить целостность сознания в момент смерти с последующим благим рождением. Предполагается освобождение “потока сознания” от умирающего тела и его перенос в иное тело. Пятая ступень совершенствования – парамита созерцания (*дхьяна*). Эта парамита предполагает видение своих действий, видение положительных проявлений у других, видение помощи живым существам» (с. 205).

Шестой текст сборника – «Молитва о благом поведении» («Бхадра-чарья-пранидхана-раджа»), в нем представлен семиуровневый ритуал (поклонение, подношение, покаяние, ликование, призыв к проповеди учения, молитва учителям с просьбой не покидать сансару, зарождение бодхичитты), объединяющий в себе основы накопления и очищения, а также описаны виды преобразования сознания в зависимости от степени его чистоты на момент физической смерти. И таким образом возникает возможность подняться или овладеть шестой ступенью совершенствования – парамитой мудрости (*праджня*). Она предполагает озарение в состоянии веры и преодоления препятствий на пути к ней, озарение в процессе созерцания, озарение при осуществлении собственной практики» (с. 205).

Данную статью можно назвать образцовой в области отечественной тибетологии. Е.Д. Огнева ныне гражданка другой страны, она училась в Санкт-Петербурге и, к счастью, немало пишет по-русски и публикуется в России. Это тот случай, когда наука не знает границ.

¹⁰ Перевод на русский язык см. Алмазная сутра 2012. Отметим, что и поныне эта сутра является алтарной книгой калмыцкого буддизма.

¹¹ Перевод на русский язык и комментарии см. Андросов 2008, 81–88.

В заключение хотелось бы остановиться на статье одного из «учеников учеников» Ю.Н. Рериха. С.Ч. *Офертас* (ИВ РАН, заведующий Мемориальным кабинетом Ю.Н. Рериха) – ученик В.В. Вертоградовой. Название его статьи «Мир без Другого. Одна онтологическая возможность Индии (на основе сочинений шиваитской парама-адвайты») свидетельствует о том, что она историко-философская и текстологическая. Автор обращается (притом под чрезвычайно оригинальным углом зрения) к собранию произведений индуистской тантры – предмету, практически не известному в отечественном востоковедении.

«Для европейской философии и психофизиологии “Другой” – это проблема. Нерешаемая и неразрешимая... Все... сводится к наивно-материалистическому суждению, что Другой – такой же, как и я, только отдельный, в своем сознании непроницаемый. Индия тоже ставила такие вопросы и по-своему их разрешала... Корпус текстов, к которому мы обратимся, обыкновенно называют “кашмирским шиваизмом”... усматривая в нем некую секту или философскую школу» (с. 209).

Автор рассматривает в основном произведение IX–XI вв., в которых отразилась не только философская традиция. «Это собрание текстов “радикальной адвайты”... складывалось на севере Индии в VI–XI вв. в среде северо-индийских *капаликов*, “носителей черепов”, и представителей так называемой культуры “*имашан*” мест трупосожжений, где они обретались и совершали свои экстагические ритуалы. Именно в такой чудесной обстановке люди эти приобретали убежденность в собственной недвойственности... Свое же литературное воплощение и метафизическое обоснование их крайние воззрения начинают находить после того, как в Кашмире... Васугупта (875–925) получает откровение от Шивы – знаменитые “Шива-сутры”. Он же, видимо, составляет и “Спанда-карики”. Эти творения обрастают многочисленными толкованиями... Деятельность по философскому переосмыслению этого религиозного корпуса находит свое наивысшее выражение в трудах Абхинавагупты (975–1025)... Философские положения и предписания по образу жизни (*ачара*) приобретут оттенок утонченной изысканности... Ритуальное же отправление также станет более мягким: на смену танато-эротическому экстазму ночных кладбищенских действий придут эротико-символические ритуалы в парных семейных союзах или с избранными партнершами-вестницами» (с. 210–211). По мнению автора, все тексты этого корпуса, соответствующие культам Шивы-Бхайравы и Кали-Шакти, «составляют некое единое собрание, нечто наподобие буддийского канона, хотя формально так никогда и не узаконенное» (с. 212).

Возвращаясь к поставленному в начале вопросу современной европейской философии, С. Офертас дает первый ответ с позиций тантрика: «Никакого “Другого” нет. Ты – Шива, точка бытия, проявляющая из себя мир, и нет никакого мира помимо тебя. Разворачивание этого мира идет... от Шивы до земли, и ты теперь не просто и не только сознание: некое “абсолютное сознание”, “божественное сознание”, “космическое сознание”, как понимают и обозначают это европейские исследователи, – ты есть *сам* этот мир. Отсюда величайшее сострадание и безусловная свобода, *сватантра* “самопротянутость”; ибо нигде ты не встретишь ничего, кроме самого себя... Ибо идти некуда – просто быть и все...» (с. 213).

Следить за авторским дискурсом не просто, поскольку ссылки приведены в сокращениях, а в библиографии источников из 33-х санскритских сочинений сокращения не приведены, словно в российском востоковедении все это «на слуху». Стоит ли напоминать, что первым этапом работы над опубликованными древними текстами является их перевод, желательно на русский язык. Фактически же наше знакомство с этим огромным корпусом литературы ограничено той полудюжиной строф, которые переведены в статье. Впрочем, переводы хороши, о чем можно судить и по их стилю, и по их соответствию приведенным санскритским оригиналам. К сожалению, отсутствуют также конкретные ссылки на сходство индуистской и буддийской тантр, хотя об этом упоминается в общих выражениях. Видимо, это задел автора для будущих трудов.

Помимо содержательного анализа текстов, автор приводит и любопытное психофизиологическое наблюдение. «Приняв за основу “человеческий” состав из тела, сознания и речи, созерцатель работает с точкой возникновения сознания. Здесь мы должны сказать, что по индийским представлениям ум и все, что относится к человеческому уму, – это внешнее, такое же внешнее, как тело, предметы, другие лица, внешний мир. В современной философии, в частности после работ Мишеля Фуко, уже принято рассматривать тело как не принадлежащее человеку, как внешнюю действительность, как плохо контролируемую другую силу – телесность, живущую своей отдельной жизнью... Тело не принадлежит мне. Но в Индии и ум мой мне тоже не принадлежит. Ибо он внешен и материален. Он действует сам собой... Проблема сознания также стала для нас проблемой неразрешимой. Мы замкнулись в прекрасном (чаще ужасном) мире собственного сознания... И понятие самосознания для наших философствующих современников (так, к примеру, для Мамардашвили) отождествилось с бессознательным, с бесконечными напластованиями мыслей и путанных следов восприятия... досаждающих нашему социальному функционированию. В Индии же мир открыт... Мир освещается

нашим бытием...Идущий по пути Шивы должен уйти от власти мыслей, почти как в православной аскетике, где мысли – это бесы» (с. 215–216).

Автор еще долго и многогранно растолковывает особенности шиваитской *парама-авайты* (притом рассуждения в примечаниях уже превалируют над основным текстом), и заключает: «Понявший это человек – Шива» (с. 217–223).

Да не сочтут читатели сказанное иронией. Все-таки кажется весьма сомнительным, что искомые религиозные состояния сознания возможно обрести без ритуально-медитативных практик. Складывается впечатление, что С. Офертас убежден в обратном, в том, что вполне достаточно без служения, посвящения (и прочего арсенала культа) достигать вершин духа. «Учитель просто дает ученику такое понимание, прямо вводит ученика в свое собственное состояние, которое и его тоже» (с. 223). Причем «вставший на такой путь подвижничества не удаляется в пустынь – он может вершить свой подвиг среди людей. Достаточно быть в этом созерцании и постоянно возвращаться в него» (с. 216).

Наверное, для гениального учителя, нашедшего столь же гениального ученика, такое возможно. Однако и при таком гипотетическом предположении, где все зависит от взаимодействия в паре, эту пару придется отправить на Луну. Могли бы такие учителя написать те многочисленные трактаты, на которые опирается автор? Текст не может существовать в пустоте, в вакууме без культуры и интерконтекстуальности. Непонятно также, о каком подвиге в таком случае идет речь? Ибо для него Шива-человеку нужно последовать подвигу бодхисаттв Махаяны и Ваджраяны, которые из сострадания восклицают:

«Если даже одно существо еще не освободилось,
Какое бы оно ни было, здесь ли или где-то там,
Пусть я ради него останусь [рождаться вновь и вновь],
Даже достигнув наивысшего Просветления».

Нагарджуна. «Драгоценные строфы наставления царю» (V. 86) (пер. В.П. Андросова¹²).

Иначе говоря, такой подвиг означает: нужно отказаться от обретения высшей духовной стадии – становления Буддой (Шивой), чтобы творить ради других существ.

Замечательно, что статьи сборника вызывают как искреннее восхищение, так и раздумья и даже несогласие. Именно такой живой взаимосвязи умов ученых людей учил Юрий Николаевич Рерих. Нужно быть одновременно «совокупно и порознь»: совместные процессы слушания (учителей, коллег) и раздумий (над услышанным, прочитанным) должны дополняться глубоко личными созерцаниями, переживаниями, откровениями и открытиями, которые в свою очередь выливаются в тексты для других. Замкнутый круг творения оборачивается звездочкой, светящейся для всего мироздания.

Среди этих многочисленных звездочек, вновь зажженных Юрием Николаевичем, его творчество сияет огромной звездой. Чтобы это осознали все, нужно подготовить полное собрание сочинений Ю.Н. Рериха на русском языке, в которое бы вошли и его «Тибетская живопись», и «Синяя тетрадь» (Шоннубала), и учебник «Тибетский язык», и современное издание «Тибетско-русского словаря», и многие другие труды, изданные поврозь. Безусловно, такая работа требует концентрации усилий (в том числе и финансовых) нескольких востоковедных центров.

Литература

1. Алмазная сутра 2012: Алмазная сутра. На калмыцком и русском языках / Пер. с санскрита, прим. и послесл. В.П. Андросова. На калмыцком языке – А.В. Бадмаев. ЦРО Калмыцкий Центральный Буддийский монастырь «Геден Шеддуб Чой Корлинг». Элиста.
2. Андросов В.П. 2008: Буддийская классика Древней Индии. Слово Будды и трактаты Нагарджуны / Пер. с пали, санскрита и тибетского языков с комментариями. М.
3. Бира III. 2002: Мы с первого дня полюбили друг друга. Воспоминания об учителе Ю.Н. Рерихе // Вестник Ариаварты. № 1(2), 21–29.
4. Индия – Тибет 2004: Индия – Тибет: текст и вокруг текста. Рериховские чтения 2002 (юбилейные) в Институте востоковедения РАН / В.В. Вертоградова (сост., отв. ред.). М.
5. Индия – Тибет 2012: Индия – Тибет: текст и феномены культуры. Рериховские чтения 2006–2010 в Институте востоковедения РАН / В.В. Вертоградова (сост., отв. ред.). М.

¹² Андросов 2008, 267.

6. *Рерих Ю.Н.* 1982: По тропам Срединной Азии / Пер. с англ. Н.Н. Зелинского. Хабаровск (переизд.: Самара, 1994).
7. *Рерих Ю.Н.* 1999: Тибет и Центральная Азия. Т. I. Статьи. Лекции. Переводы / В.А. Росов (отв. ред.). Самара.
8. Юрий Рерих 2012: Юрий Рерих: живое наследие. Материалы к биографии. Вып. I. **Сборник статей и интервью** / В.А. Росов (ред., сост.). М.
9. *Рерих Ю.Н.* 2012: Тибет и Центральная Азия. Т. II. Статьи. Дневники. Отчеты / В.А. Росов (сост., отв. ред., прим.). М.
10. *Roerich G.* 1925: Tibetan Painting. P.
11. *Roerich G.* 1931: Trails to Inmost Asia. Five Years of Exploration with the Roerichs' Central Asian Expedition. New Haven–London.

В.П. Андросов,
доктор исторических наук,
заведующий отделом истории и культуры
Института востоковедения РАН

© 2014 г.

С.В. СМЕРНОВ. Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 330 с.

Рецензируемая монография, представляющая собой расширенный и дополненный вариант кандидатской диссертации автора, посвящена проблемам формирования Селевкидского царства – крупнейшего и важнейшего из государств эллинистической эпохи, основанного «наследником» державы Александра Македонского – Селевком I. В западной научной литературе в последние годы наблюдается своеобразный «бум»: селевкидская проблематика стала чрезвычайно популярна и ей посвящены многие монографии и статьи. В отечественной же научной литературе эта тематика до сих пор не вызвала столь большого интереса. Книга С.В. Смирнова – один из очень редких примеров обращения в российском антиковедении к проблемам раннеэллинистической эпохи и, конкретнее, к проблеме становления государства Селевкидов.

Процесс формирования этого государства автор рассматривает как результат взаимодействия политических, социальных, экономических и культурных структур, существовавших на Востоке, в Элладу и Македонии в конкретных условиях, создавшихся в результате распада единой державы Александра Македонского. При этом автор особо подчеркивает то обстоятельство, что при современном уровне изученности проблемы необходимо постоянно и четко расчленять понятие «Восток». В действительности этот термин обнимает целый ряд особых историко-культурных областей, в каждой из которых общие процессы обладают своей спецификой.

Монография С.В. Смирнова состоит из введения, четырех глав и заключения. В монографии имеются список сокращений, список литературы и три приложения. В приложении I рассматриваются основные типы серебряных и золотых монет Селевка I; в приложении II представлены авторские переводы ряда важнейших эпиграфических документов рассматриваемого времени; приложение III содержит несколько карт, важных для анализируемого круга проблем.

Во введении автор кратко обозначает спектр проблем, выносимых на рассмотрение, а также представляет обзор источников и историографии по исследуемым вопросам. Необходимо отметить, что С.В. Смирнов дает здесь очень емкую характеристику всех тех источников, которые могут быть использованы (и были использованы автором) для разработки проблем становления Селевкидского государства. Особо следует подчеркнуть следующее обстоятельство: в последние десятилетия новые источники по истории эллинизма (особенно раннего его периода) появляются главным образом благодаря изданию и переводу вавилонских клинописных документов, которые были найдены много лет тому назад, но оставались неизвестными и неизученными. Сейчас же до них «дошла очередь», и они хлынули мощным потоком, иногда даже заставляя корректировать уже устоявшиеся схемы. С.В. Смирнов, что приятно отметить, прекрасно знает всю эту обширную новую литературу и активно использует содержащиеся в ней данные в своем исследовании.